

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

УДК 316

DOI 10.18522/2227-8656.2020.4.1

ТЕОРИЯ СРЕДНЕГО УРОВНЯ: РЕНЕССАНС ИЛИ ЗАБВЕНИЕ?

Черныш Михаил Федорович

Член-корреспондент Российской академии наук, доктор социологических наук, первый заместитель директора по координации научной и научно-образовательной работы, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г. Москва, Россия, e-mail: mfche@yandex.ru

В статье обосновывается необходимость сохранения разноуровневых подходов в современной социологии. Предлагается рассмотреть возможности, которые содержатся в теоретизировании среднего уровня. Несмотря на то что необходимость теорий среднего уровня неоднократно подвергалась сомнению, именно этот тип теоретизирования демонстрировал наибольшую эффективность в локальных, страновых контекстах. Современной общественной науке приходится иметь дело со сложными обществами, в которых множество событий может иметь объяснения только на локальном уровне, на фоне конкретных социальных и экономических обстоятельств. Речь идет о дерутинизации социальных явлений

MIDDLE RANGE THEORIES: RENAISSANCE OR OBLIVION?

Mikhail F. Chernysh

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director for the Coordination of Scientific and Scientific-Educational Work, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: mfche@yandex.ru

The article asserts the necessity of keeping a multilevel approach to the analysis of social phenomena in modern sociology. It proposes to explore the possibilities that are inherent in such theoretical instrument as middle range theory. The necessity of such an approach has been continuously debated, this type of theorizing proved to be effective in local, country-related contexts. Modern social science has to explore complex societies in which many events can only be explained on a local level against the backdrop of concrete social and economic circumstances. Social theory has to deal with the process of deroutinization of social life while in many cases social events preserve their morphological similarity. The renaissance of middle range theories is also related to the em-

при сохранении их морфологического сходства. Ренессанс теорий среднего уровня связан, кроме всего прочего, еще и с утверждением в общественных науках «сильной культурной программы», рассматривающий культуру как важнейший фактор, определяющий состояние общества.

bedment of «strong cultural program» in social science as a major factor that defines the state of society.

Ключевые слова: теория среднего уровня; методологический индивидуализм; марксизм; структурный функционализм; локализация; дерутинизация.

Keywords: middle range theories; methodological individualism; Marxism; structural functionalism; localization; deroutinization;

Ситуационный анализ в марксистской традиции

Понятие «теория среднего уровня» с момента его введения в оборот Р. Мертоном стало предметом жесткой полемики. Оно появилось в те времена, когда поле социологии было жестко поделено между сторонниками гранд-теорий, прежде всего между адептами структурно-функциональной теории и социологами-марксистами. Оба подхода претендовали на холическое объяснение социальных процессов, в обеих парадигмах имелись собственные исторические схемы, объясняющие текущие изменения в обществе и предваряющие социальные трансформации. Отношение марксистов к самой возможности теории среднего уровня было по меньшей мере амбивалентным. Марксизм советского образца отрицал саму возможность последовательного объяснения социальных процессов без обращения к макроуровню. В западном марксизме, объявленном в СССР ревизионистским, снижение уровня теоретизирования рассматривалось как возможность понять общество в его конкретном состоянии, хотя и преследуя политические цели. Маркс сам дал образцы подобного анализа в известной работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», которая в отличие от других, более общих его работ представляла исход – захват власти авантюристом – как стечение конкретных обстоятельств, определяемых позицией основных политических игроков (Маркс, 1957). Классы – большие социальные группы – фигурировали в этом анализе, но совсем не так, как в других, менее «политических» его работах. Выяснялось, что рабочий класс далеко не так последовательно предан идеям радикальной трансформации общества. В отдельные моменты истории – решающие по отношению к ближайшему и отдаленному будущему – готов поддерживать половинчатые, примирительные шаги власти, идти на поводу у мелкой буржуазии, меняя конечную победу на скромный результат, каким могло бы стать создание рабочих касса.

Не менее противоречивой оказывалась позиция буржуазии, которая в конкретной ситуации раскалывалась на группы, имеющие разные, порой противоположные интересы. Промышленники требовали защитить их от конкуренции, закрывая границы, финансисты, как им и свойственно, ставили превыше всего интересы банков, а крупная земельная буржуазия желала, чтобы правительство защищало ее интересы на внутреннем и внешних рынках. Кроме этого, в социальной структуре общества обнаруживались игроки, не имеющие прямого отношения к сложившимся классам, формирующиеся политическими силами *ad hoc*, как сила, способная обеспечить соответствующей партии преимущество в тот решающий момент, когда конфликт выльется на улицу. Речь идет об обществе 10 декабря, которое формировалось властью из люмпенов, или, по определению самого Маркса, из богемы, занятой не столько производительным трудом, сколько добыванием средств к существованию с использованием «темных», полулегальных методов. Исторический процесс представал в работах Маркса в двух временных контекстах – краткосрочном, политическом, и долгосрочном, направляемом ключевыми противоречиями эпохи. Объяснять конкретные события тектоническими сдвигами в экономике не представлялось возможным, поэтому предлагалось каждую конкретную ситуацию анализировать самостоятельно, принимая во внимание ее специфику.

Целостность системы и возможность изучать локальное

В структурном функционализме потребность в том, что снизить уровень анализа на порядок, ощущалась не менее остро, чем в марксизме. В этой связи показательна полемика между одним из классиков структурного функционализма Т. Парсонсом и А. Шюцем. За Шюцем не было столь влиятельной традиции, в США он представлял относительно небольшое, но все же влиятельное сообщество социологов-эмигрантов из охваченной войной Европы. Шюц, как следует из его концепции «свелящегося смыслами» мира повседневности, был противником больших теоретических конструкций. Неудивительно, что теоретические схемы Парсонса он рассматривал как громоздкое и в значительной степени бесполезное теоретизирование, «туманящее» тот единственно реальный мир, в котором живут и действуют не идеи, а реальные люди. Внимательно перечитав работу Парсонса «Структура социального действия», он подготовил обстоятельное письмо, в котором осмелился задать живому классическому непростые вопросы. «Любое действие, – писал он, – это процесс, разворачивающийся во времени. Таким образом, временная категория – важнейший элемент общей схемы. Понятие “цели” уже подразумевает “достижение”, “реализацию задуманного”, “успешное завершение” относится к состоянию, которое еще не установилось, но кото-

рое должно быть установлено действующим актором. В сознании актора цель должна предшествовать выбору средств к ее осуществлению, она определяется в конкретной ситуации. Физическое время – это способ, которым связываются события в пространстве. Время действия – это способ определить взаимоотношения между средствами, целями и другими элементами совершаемого действия. Это означает, что у каждого актора есть выбор и целей, и средств их достижения. А это, в свою очередь, означает, что возможна “ошибка” – невозможность достигнуть целей или правильно выбрать средства для ее достижения. Таким образом, реальность, в которой происходит выбор, субъективна. Она имеет дело с явлениями в той форме, в которой они явлены актору» (The Theory of Social Action, 1978. P. 14). Шюц утверждал, что попытка вывести цели человеческого действия за рамки субъективного бытия – а это, напомним, то, что подразумевалось парсоновской теорией социального действия, – не имеют надежных эмпирических оснований. По сути, он развенчивал общие схемы Парсонса как умозрительные логические конструкции, продукт дедукции, не имеющей прямой связи с действительным миром. Надо ли удивляться тому, что у Парсонса, понимавшего уровень своего влияния на американское социологическое сообщество, замечания Шюца вызвали недовольство. Он уже имел до этого немалые трения со своим руководителем на факультете социальных наук Гарварда – П. Сорокиным, который, как и Шюц, призывал его в былые времена оставить бесплодное теоретизирование и углубиться в изучение тенденций, наблюдаемых в обществе. Переписка Шюца и Парсонса не привела их к сближению позиций. Напротив, известен факт, что оба социолога после короткого обмена мнениями по поводу «Структуры социального действия» так и не встретились, хотя Шюц надеялся на то, что именно в очном споре им удастся добиться взаимного понимания. Шюц вряд ли определял свое теоретизирование как теорию среднего уровня, да она и не являлась таковой. Однако в полемике с Парсонсом он поставил важнейшие вопросы, получить ответы на которые в рамках гранд-теории крайне сложно. Во-первых, это уже упоминавшийся временной контекст, который в значительной степени определяет эвристический потенциал социологической теории. И действительно, масштабные тенденции, охватывающие многие десятилетия, вряд ли станут теоретическим основанием для объяснения специфической ситуации, которая складывается на отдельном временном отрезке. Во-вторых, между гранд-теорией и необходимостью искать объяснения в особой, специфической ситуации существуют противоречия, связанные с географией происходящего. Гранд-теории, как правило, концентрируют внимание на обществе в целом, на больших географических протяженностях, но то, что актуально для общества в целом, по-разному пре-

ломляется в конкретном регионе, конкретном городе на фоне характерного для него, особого стечения разных обстоятельств.

Теория среднего уровня как способ преодоления парадигмальных противоречий

Мертон полагал, что теория среднего уровня должна находиться вровень с теми задачами, которые ставят исследователи, проверяться или отвергаться на базе имеющейся эмпирической информации (Merton, 2007). Одна из ее задач заключается в том, чтобы способствовать трансформации сложившихся в социологии парадигм, подвигая их к интегративным подходам. «Теория среднего уровня, – утверждал он, – включает в себя промежуточные теории по отношению к общим теориям социальных систем. Общие теории слишком далеки от частных видов поведения, организации или изменений и не имеют прямой связи с наблюдаемой реальностью, а также теми подробными, упорядоченными описаниями особых ситуаций, которые не подпадают под их общие положения. Теории среднего уровня используют абстрактные понятия, но они, разумеется, близки к данным наблюдения и могут генерировать гипотезы, которые тестируются эмпирическим исследованием. Теории среднего уровня имеют дело с объектами наблюдений ограниченного масштаба, как уже следует из их названия. В ряду таких теорий стоит отметить теории референтных групп, социальной мобильности, ролевых конфликтов, нормообразования. О них можно говорить точно так же, как о теории ценообразования, микробиологической теории или кинетической теории газов» (Merton, 2007. P. 448).

Одним из примеров того, как эмпирическая социология может влиять на общие парадигмальные подходы, стали изыскания в области социальной мобильности и социальных перемещений. В марксистской концепции непременным условием восхождения общества к новой общественно-экономической формации считалась увеличивающаяся социальная дистанция между собственниками средств производства и пролетариатом, под которым, как правило, понимались рабочие промышленных предприятий. Результаты исследования мобильности указывали на тренды, не совпадавшие с данной гипотезой: уровень жизни рабочего класса обнаружил тенденцию к повышению, а уровень неравенства в развитых странах в XX в. постепенно снижался. В XX в. в развитых странах доля населения, которую можно было бы определить как рабочий класс, уменьшалась. При этом значительная часть выходцев из среды рабочих получали высшее образование и переходили в группу работников умственного труда. Расхождения между классическим марксизмом и фактами, подтвержденными эмпирическими исследованиями, заставили социологов-марксистов пересмотреть многие

пункты базовой теории. В работе М. Хоркхаймера и Т. Адорно «Диалектика Просвещения» признается, что в новую эпоху возросшая мощь государства способна снять некоторые старые противоречия, но при этом рождает новые напряжения и в значительной мере отменяет марксистский тезис о неизбежно поступательной траектории развития общества (Хоркхаймер, 1997). В работе Э. Райта «Классы» социальная структура рассматривается как сложное образование, включающее в себя не только буржуазию и пролетариат, но и средний класс, занимающий между двумя основными классами промежуточную позицию (Wright, 1985). Таким образом, старая марксистская парадигма не отменялась, а усовершенствовалась – включала в себя теории среднего класса, мобильности, государства, социальных движений. Однако для этого нужно было обратиться к конкретной ситуации, которая складывалась в развитых странах. Важные прозрения неомарксизма в отношении этих обществ вряд ли смогли бы пролить свет на то, что происходило в менее развитых странах, в которых большинство населения по-прежнему занято в сельском хозяйстве.

Р. Будон, признанный теоретик социальной науки, отмечал, что теории среднего уровня (отождествляемые им с методологическим индивидуализмом) необходимы еще и для того, чтобы приблизить социальную теорию к национальной почве, учесть в ней специфику того общества, которое подвергается изучению. При этом удастся избежать как эссенциализма – принципиального отказа от общих подходов в социологии, так и заблуждений, вытекающих из универсализации методологической стратегии: «Позднее, когда я осознал важность методологического индивидуализма, я должен был показать в своей книге “Место беспорядка”, вышедшей в 1984 году, как изучение социальных изменений в духе Лесли Уайта, Генри Мендраса и других становится более эффективной стратегией, чем попытки использовать для объяснения общих базовых тенденций таких, как развитие средств массовой коммуникации, транспорта, борьбы классов, отставания в развитии как результат господства Севера над Югом. Мне представляется, что впечатляющие события последних лет, такие как распад советской империи, мощный рывок в развитии Кореи и других азиатских “драконов”, восхождение Китая к статусу сверхдержавы и закат американской империи, гораздо легче объяснить в парадигме методологического индивидуализма без примеси утилитаризма, но с учетом взаимодействия конкретных факторов. С моей точки зрения, подобный подход был бы более обоснованным, чем общие структуралистские концепции» (Boudon, 2011. P. 14).

В работе «Место беспорядка» Будон приводит ряд примеров того, как прямое наложение общих парадигмальных положений на локальные среды приводит социолога к поверхностным, ложным объяснительным моделям

(Будон, 1998). Так, американский экономист Э. Хейген, изучив процессы модернизации в Японии и Колумбии, пришел к выводу, что ключевую роль в нем играет деклассирование социальных групп. В Японии экономически активное меньшинство сложилось с широким участием самураев, оставивших военный промысел; в Колумбии в нем преобладали выходцы из провинции Антьокия, переживавшей экономический кризис. Однако очевидные на первый взгляд параллели оказываются при ближайшем рассмотрении несостоятельными. В Японии процесс деклассирования и появление предпринимательства отстояли друг от друга на несколько поколений. В Антьокии сложилась особая социальная ситуация: класс крупных землевладельцев, который оказался на периферии локальных элит, массы, оставившие крестьянский труд ради работы на шахтах, но потерявшие возможность зарабатывать шахтерским трудом вследствие истощения золотых и серебряных рудников. Таким образом, структурно определилась ситуация, в которой местные элиты могли утвердить себя через предпринимательство и располагали для этого человеческими и денежными ресурсами (Будон, 1998. С. 101–112).

Если бы социолог уверовал в то, что быстрые темпы развития в обоих случаях могут иметь объяснение в факте деклассирования, он принялся бы скрупулезно искать факты, доказывающие его теорию. Он стал бы задавать колумбийским предпринимателям вопросы о том, чем занимались их родители, что они сами делали до того, как выбрали бизнес. Велика вероятность, что в конечном итоге он даже отыскал бы в поведении исследуемой им группы признаки маргинализации. Однако параллели, которые он проводил бы, и полученные результаты исследования не имели бы объяснительной силы по отношению к той проблеме, которую он взялся решить – выявить схожие процессы социальных изменений в двух изучаемых странах.

Будон не предлагал отказаться от гранд-теорий или больших социологических парадигм, он лишь утверждал, что социология общих принципов страдает опасной «близорукостью» при рассмотрении конкретных ситуаций. Они в каждом случае возникают как результат взаимовлияния совокупности факторов, некоторые из которых имеют локальную географическую и историческую привязку. Подобный подход дает возможность преодолеть «дурную бесконечность» последовательной каузальности, которая приводит к тому, что частные коллизии, укорененные в конкретной социальной ситуации, получают общие, в значительной степени идеологические объяснения. Как справедливо замечал Будон, многие социальные явления имеют схожесть форм, но при внимательном рассмотрении оказывается, что по природе и происхождению они разные, совсем не похожи, и любые выводы об их общности ошибочны.

Теория среднего уровня как способ вовлечения в исследуемую ситуацию

Н. Смелзер сделал собственную попытку описать процесс построения теоретических оснований социологического исследования (Smelser, 2011). Многие социологи полагают, что назвать теорией можно любую закономерность, выявляемую статистическими или иными методами исследований. Если обнаруживается устойчивая тенденция, упорядочивающая в одну линию события, кажущиеся на первый взгляд случайными, то одно это открытие часто рассматривается как достаточное основание для того, чтобы заявить новую концепцию. Смелзер полагает, что подобные притязания должны быть отвергнуты: наблюдаемую повторяемость социального явления невозможно приравнять к теории. Свою позицию он иллюстрирует наблюдениями за электоральным процессом. В ранний период электорального цикла проигравшая сторона или стороны «зализывают раны» и одновременно ищут новые модели агрессивного поведения по отношению к победителям. Во второй фазе процесса они начинают нападать на политику партии или движения, находящегося у власти, обвиняя их в том, что они совершают грубые ошибки, игнорируют решения, которые с очевидностью могли бы улучшить положение дел в стране. В третьей фазе проигравшая сторона обвиняет победителя в политической некомпетентности, ведущей страну к неизбежному кризису. В четвертой – в нарушении правил честной игры, презрении к закону и нормам порядочности. На этом этапе силы оппозиции ищут и находят в действиях победителей массу прегрешений больших и малых – коррупцию, nepotизм, забвение интересов рядовых избирателей. И, наконец, в пятой, последней фазе накануне следующих выборов оппозиция переходит на личности, объявляя причиной многих текущих бед не просто партии или иные политические силы, находящиеся у власти, а конкретных людей, политиков, депутатов, сенаторов, олицетворяющих собой влияние победителей.

Модель, представленная Смелзером, выглядит как типичная для электорального цикла в США, и, что совсем не удивительно, она получила подтверждение в данных исследования, проведенного в форме контент-анализа публикаций газеты «Нью-Йорк таймс». Каждое выступление в ней политиков от оппозиции кодировалось, а затем, на этапе анализа, превращалось в частотные распределения. Речь шла не об одной, а о нескольких президентских кампаниях, и в каждом случае кривая, характеризующая активность оппозиции, демонстрировала всплеск в середине электорального цикла, а кривая персональных нападков и обвинений в коррупции – в самом конце. Казалось бы, налицо устойчивая закономерность, которую можно было бы

выдать за теоретический конструкт. Смелзер же считает, что результат, полученный в исследования, хотя и любопытен, но ничего толком не объясняет: «На основе этой модели мы не можем утверждать, что знаем, почему подобные типы политического поведения располагаются в подобном порядке. Мы просто объявляем, что подобная последовательность существует и что она дана нам как необъясненное явление. В данном случае статус модели может быть охарактеризован только как эмпирическое обобщение имеющихся тенденций, а не теория, способная их объяснить» (Smelser, 2011. Р. 28–29). От простой фиксации тенденций теорию отличает ее способность объяснить наблюдаемое явление. Под объяснением понимается обнаружение связей между переменной, которая характеризует какое-либо явление, и другими, причинными переменными, которые вызывают ее изменение.

Что же необходимо для того, чтобы изменить статус выявленной тенденции, сделав ее новой теорией? Во-первых, нужно вернуться к начальному пункту и решить, что все-таки такое предмет проводимого исследования. В самом предмете должна быть заключена научная проблема, которой, как правило, становится противоречивость и изменчивость исследуемого объекта. Для Смелзера предметом исследования стало поведение оппозиционных партий, ужесточающих критику власти накануне выборов. В других случаях предметом может стать более приземленный сюжет, связанный, к примеру, с функционированием социальных служб в отдельном регионе.

Во-вторых, после того как определен предмет, настает время работать с ключевыми понятиями проекта. Для Смелзера базовыми понятиями, которые необходимо прояснить, являются форма и направленность политической пропаганды в рамках электорального цикла. Смелзер предупреждает, что понятия, о которых идет речь, необязательно заимствованы из обыденного описания изучаемых явлений. К примеру, в американском политическом языке политическая партия часто отождествляется с тем, за что она борется. В исследовании поведения оппозиции в электоральном цикле партия понимается как субъект, который борется за овладение политическими высотами, за возможность формировать правительство и контролировать политический процесс. Строгая работа с ключевыми понятиями неизменно ведет к отсечению всего того, что оказывается лишним, усложняет и затрудняет аналитические процедуры. Ясно, что, определяя ключевые понятия, социолог приносит в жертву масштаб будущего проекта и претензии (если они у него имеются) на широкий охват изучаемой сферы. В большинстве случаев в поле зрения оказывается фрагмент «цветущего разнообразия» наблюдаемого объекта, но, принеся в жертву широту рассмотрения те-

мы, социолог получает в награду предвидение тех методов анализа, которые он будет применять, когда данные будут собраны.

Заключение

В современной социологии принято считать, что большие парадигмы как схемы, объясняющие движение общества, утратили свою первоначальную привлекательность. Действительно, марксистская идея поступательного развития современной цивилизации от первичных состояний к коммунизму не получила подтверждения. Можно в духе Г. Лукача утверждать, что Маркс никогда и не обещал линейного движения обществ к более высокому состоянию, что прогресс он увязывал с состоянием общественного сознания, которое, в свою очередь, созревает под влиянием тех конкретных ситуаций, в которых находятся люди. Однако, приняв подобную аргументацию, придется признать паритетность разных сфер жизнедеятельности людей, относительную независимость ценностей, верований, мотивов от экономических условий жизни, что, разумеется, было бы серьезным пересмотром самих основ марксистской теории в ее первоначальном варианте. Следует признать, что и альтернативный марксистскому структурно-функциональный подход не смог предложить универсальных объяснений всему тому, что происходило в мире в середине – конце XX в. Мир ценностей перестал играть консолидирующую роль в обществе, вместо некой одной, общей системы ценностей, признаваемой всеми, пришло «цветущее разнообразие» ценностных комбинаций. Настоятельной необходимостью стал поиск общей площадки, на которой акторы могут искать и находить консенсус, определять общее благо так, как оно понимается в данный конкретный момент, в данных обстоятельствах. Это означает, что ситуационная объяснительная модель становится в социологии все более востребованной. Можно сколько угодно сожалеть об укореняющемся в современной социологии мелкотемье, но важно понимать, что переход к анализу конкретных ситуаций – это неизбежный процесс, который тем не менее нисколько не умаляет прошлых достижений социологии, возможностей теоретизирования, логически связанного с большими теориями.

Возвращению в оборот теорий среднего уровня будет способствовать и наметившийся в современной общественной науке культурный поворот. Так называемая сильная культурная программа означает, что культура становится фактором, способным объяснять многие противоречия современной эпохи. Манн, сравнивая в современном обществе по степени влияния противоречия классового характера и культурные противоречия, отдает первенство вторым, а не первым (Mann, 1987, 2004). В развитых странах, по крайней мере, культурные противоречия нередко выступают в качестве од-

ного из главных факторов социальной напряженности. Расовые, межэтнические, религиозные противоречия обнаруживают способность эффективной мобилизации населения, отодвигают на задний план факторы иного плана – экономические или социальные. А это означает, что именно теория среднего уровня создает наилучшую основу для объяснения происходящего и построения практических стратегий, ведущих к смягчению социальных противоречий.

Литература

Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М.: Аспект Пресс, 1998. 284 с.

Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Политиздат, 1957. Т. 8. 705 с.

Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.: Медиум-Ювента, 1997. 312 с.

Boudon R. Sociologie comme Science. Paris: Decouverte, 2011.

Mann M. Ruling Class Strategies and Citizenship // *Sociology*. 1987. Vol. 12. № 3. P. 339–354.

Mann M. The Dark Side of Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Merton R. On the Sociological Theories of the Middle Range // *Classical Sociological Theory*. C. Calhoun (Ed.). N.Y.: Blackwell Publishing, 2007.

Smelser N. Sociological Theory – A Contemporary View. Quid Pro Books. Second Edition. New Orleans, 2011. 154 p.

The Theory of Social Action. Correspondence of Alfred Shutz and Talcott Parsons. R. Grathoff (Ed.). Indiana University Press, 1978. 171 p.

Wright E.O. Classes. L.: Verso, 1985. 344 p.

References

Budon, R. (1998). Place of disorder. Criticism of theories of social change. Moscow: Aspekt Press. (in Russian).

Marx, K. (1957). The eighteenth brumaire of Louis Bonaparte. K. Marx and F. Engels. Works. Moscow: Politizdat, 8. (in Russian).

Horkheimer, M., Adorno, T.V. (1997). Dialectics of enlightenment. Philosophical fragments. Moscow: Medium-Juventa. (in Russian).

Boudon, R. (2011). Sociologie comme Science. Paris: Decouverte.

Mann, M. (1987). Ruling Class Strategies and Citizenship. *Sociology*, 12, 3, 339-354.

Mann, M. (2004). The Dark Side of Democracy. Cambridge: Cambridge University Press.

Merton, R. (2007). On the Sociological Theories of the Middle Range. *Classical Sociological Theory*. C. Calhoun (Ed.). New York: Blackwell Publishing.

Smelser, N. (2011). Sociological Theory – A Contemporary View. Quid Pro Books. Second Edition. New Orleans.

The Theory of Social Action. Correspondence of Alfred Shutz and Talcott Parsons. (1978). R. Grathoff (Ed.). Indiana University Press.

Wright, E.O. (1985). Classes. L.: Verso.

Поступила в редакцию

15 мая 2020 г.